

АНА
САКРУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я (НЕ)
ПРОДАЮСЬ

Ана Сакру
Я (не) продаюсь
Серия «Керэфовы-Лютики», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67601987

SelfPub; 2022

Аннотация

Анна, попав в сложную жизненную ситуацию, делает глупость и соглашается провести со своим начальником две недели во время его командировки в обмен на решение ее проблем. Вот только не добавит ли ей это новых бед?

И самое главное, сможет ли она сама примириться с этим...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	4
2.	8
3.	13
4.	16
5.	21
6.	24
7.	31
8.	37
9.	42
10.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ана Сакру

Я (не) продаюсь

1.

– Анна Сергеевна, это вас, – взгляд Лизы становится растерянным, – из "НаличкаМигом".

Внутри холодеет, в пальцы простреливает слабостью, но я держу лицо и ровно улыбаюсь секретарше.

– Да, переведи.

Поднимаю трубку. Глухие удары сердца перекрывают внешние звуки. Они звонят мне на работу. Мне на работу!

– Да? – выходит резко.

Вижу, как Лиза кидает на меня заинтригованный взгляд из приёмной. Киваю ей, чтобы прикрыла дверь, но она не торопится вставать, делает вид, что не поняла.

– Анна Сергеевна Акунина? – дребезжащий мужской голос режет слух.

– Да, – опять слишком резко. Но какого чёрта на рабочий? Мне? Это даже не мой кредит!

– Напоминаем, что ваш долг перед "НаличкаМигом" на сегодня составляет семьсот тридцать восемь тысяч рублей. Когда вы намерены оплатить? – от его профессионального

давящего тона в ушах начинает шуметь. Провожу по юбке повлажневшей ладонью.

– Он не мой, и я не могу сейчас говорить.

Быстрый взгляд на Лизу. Прислушивается. Приходится взвешивать каждое слово. Стыдно-то как, господи. Киваю секретарше на дверь ещё резче, и она наконец встаёт.

– Вы, ваш муж. Нам без разницы! Чтобы сегодня деньги были, – мужчина переходит на хамство с завидной скоростью, – Машину продай, квартиру, займи, телевизор на авито выстави. Сделай что-нибудь, Аня! Не домой же мне к тебе...

Дверь в кабинет в этот момент захлопывается, и я наконец могу говорить чуть свободней. Повезло, что Мария Петровна в отпуске, а Дашка приболела, так что я сейчас сижу одна.

– Можете и домой. Позавчера наша квартира сгорела. Продать её вряд ли получится. Что сможете вынести – всё ваше.

– И не такие байки слушал! Не мои проблемы, деньги когда? Когда, я тебя спрашиваю?

– Извините, но я сейчас на работе. Ваш вопрос постараюсь решить в течение двух недель, – и вешаю трубку.

Руки дрожат. К горлу подкатывает тошнота. Уголки глаз предательски влажнеют. За что мне это всё? За что?

Выхожу из кабинета на нетвёрдых ногах и обращаюсь к разглядывающей меня Лизе.

– Если ещё раз позвонит, скажи, что я на совещании, – бросаю ей глухо и спешу к туалету.

– Хорошо, Анна Сергеевна, – летит мне вслед.

Хочется плеснуть в лицо холодной водой, но макияж жалко. И я просто прикладываю ледяные мокрые ладони к горящим щекам. Спокойно, Ньюш, спокойно. Как там говорится? Всё что не делается – всё к лучшему. И ещё: нам посылают только то, что мы способны вынести... Ага... Вот только всё, что мне прилетело от судьбы за последние несколько недель, можно было распределить на весь мой подъезд девятиэтажного дома.

Делаю пару быстрых выдохов, оправляю юбку и решительно смотрю себе в глаза. Это просто надо пережить, Ньюш, просто пережить. Никто не умер, да? Все здоровы, ведь здоровье главное? Только вот кому-то я его искренне не желаю. Всплывший в голове образ мужа вновь окрашивает щеки в гневный красный. Чтоб тебе икалось на диване, Виталик. Ещё один выдох, и я выхожу.

Почти спокойная, почти готовая работать. Идрис Камилевич отчёт просил по "Гранд Паласу". Надо бы до обеда успеть. Там у ресторана не сходится что-то...

– Лиза, по "Гранд Паласу" по кухне за 2019 ведомости принеси пожалуйста, – бросаю секретарше и прохожу в кабинет.

Мысли о работе приводят в тонус, и личные беды отступают на второй план. Стройные ряды цифр всегда меня успокаивали. Парадокс: я так люблю порядок, а вокруг меня творится такой пи...хаос. Смешно даже. Вот только веселиться

сил нет.

Почти уже сажусь за стол, когда секретарша меня окликает. Её голос звучит растерянно.

– Анна Сергеевна, сейчас позвонил Тигран Рустамович. Вас к себе вызывает...

Я поднимаю на неё изумленный взгляд. Сам Керемов? Он вообще в курсе моего существования? Но зачем? О чём владельцу сети отелей говорить с обычным экономистом-аналитиком? По телу пробегает ток тревожного предчувствия. Колени предательски слабеют и грозят подкоситься.

– Сказал "срочно", – почти шепотом добавляет Лиза.

– Хорошо, – я киваю, пытаюсь сохранить сдержанность. Обвожу рассеянным взглядом кабинет, пытаюсь среди кип бумаг найти ответ, зачем я ему понадобилась.

– Сказал что-нибудь взять с собой?

– Нет.

– Хорошо, – повторяю я и, мысленно перекрестившись, иду к нашему учредителю.

2.

Я переступаю порог лифта на нужном этаже и застываю на секунду посреди просторной богато обставленной приемной, давая себе время собраться.

Залим, секретарь Тиграна Рустамовича, отрывается от монитора, переводя на меня вопросительный взгляд. В его понимании моё промедление просто оскорбительно. Да, у нашего босса секретарь- мужчина. Говорят, это потому, что он женщин не жалует. То есть как не жалует. В смысле обмена жидкостями вроде бы очень даже. А вот признать в представительнице противоположного равного мужчине специалиста ему не позволяют ни вера, ни воспитание, ни деспотичный характер. Моя непосредственная начальница, пожалуй, самая титулованная женщина во всём холдинге. И то только потому, что у неё чуть ли не гарвардский диплом. Мне с моим простым синим такие почести здесь не светят никогда.

– Тигран Рустамович у себя- с нажимом произносит Залим и упирается взглядом мне в плечи, словно мысленно подталкивая.

– Спасибо, – бормочу я в ответ, слабо улыбнувшись. Улыбку мне не возвращают.

Оправляю юбку- карандаш, стряхнув пылинку, распрям-

ляю плечи и тяну ручку двери на себя влажными от волнения пальцами.

Кабинет Керефова такой огромный, что мне приходится путешествовать по нему взглядом пару секунд, прежде чем я натыкаюсь глазами на стол. Рабочее место расположено не по центру, как это обычно бывает, а у левой стены, декорированной мрамором под географическую карту.

Мужчина за столом отрывается от бумаг, разложенных перед ним, и поднимает на меня тяжелый прошивающий насквозь взгляд. Невольно ёжусь и так и стою у входа, не решаясь подойти и напрочь забыв, что неплохо бы поздороваться. Обычно я не настолько нерешительная, но есть в этом человеке что-то подавляющее, разом указывающее тебе твоё место. А моё по сравнению с ним внизу пищевой цепочки, особенно учитывая последние обстоятельства. В голове только одна мысль: что учредителю могло понадобиться от простого экономиста? И ответ: ничего хорошего.

– Проходите, – холодно бросает Керефов и кивает на стул перед собой, – Анна...

Моя имя слетает с его губ хлестким ударом. Я вздрагиваю и семеню на указанное место. Чёртова узкая юбка, чёртовы шпильки. Ноги и без того заплетаются, и, мне кажется, он меня внимательно разглядывает, пока я иду. Да нет, кажется.

Падаю на стул и запоздало лепечу:

– Здравствуйте, Тигран Рустамович.

Даже головой в ответ не кивает. Сверлит черными глаза-

ми и молчит. Господи, и почему от одного его взгляда поджилки трясутся и хочется исповедоваться во всех смертных грехах. Какое счастье, что обычно я вижу этого человека два раза в год: на новогоднем корпоративе зимой и на дне рождения компании летом. Нервно оправаляю юбку в ожидании разговора, складываю руки на коленях. Поднимаю на Керефова глаза, ну глупо же в пол смотреть, словно я девица на выданье перед женихом. А когда тишина становится пугающей, снова подаю голос.

– Вы что-то хотели?

– Да, – тут же отвечает он, и ярко очерченные губы, окруженные густой щетиной, трогает нехорошая полуулыбка.

– Вы же экономист, Анна, верно? Экономист-аналитик?

– Да, – киваю я, не понимая, к чему он клонит.

– И хороший? – Керефов даже немного вперед ко мне подается, демонстрируя искреннюю заинтересованность.

Я моргаю и инстинктивно вжимаюсь в спинку стула, стараясь увеличить расстояние между нами. Какой-то странный разговор.

– Это вам решать, Тигран Рустамович, – неуверенно отвечаю, – Вы же мой работодатель...

Он резко откидывается назад, забарабанив пальцами по столу, и дышать становится легче. Но ненадолго.

– Я вот думаю, не очень, – тянет Керефов, и его глаза опасно сужаются, – Даже нет, из рук вон плохой.

Я ошарашенно хлопаю глазами, приоткрыв рот, удушли-

вый румянец заливаает лицо. Сначала смущения, потом гнева.

– И с чего вы это решили, позвольте узнать? – голос дребезжит, слова звучат довольно резко, но мне уже плевать. Вряд ли я останусь здесь работать после таких его выводов.

Раздражение и злость накатывают штормовыми волнами. Как не вовремя то! Как не вовремя! Только работу сейчас потерять и не хватало. Меня что, прокляли?

Почему-то этот успешный, до безобразия богатый, жёсткий человек, сидящий напротив, кажется мне сейчас олицетворением мирового зла и всех моих бед. Виталик хотел быть таким, как Керефов и ему подобные. Всегда хотел. Вот и полез на биржу и всё профукал. Влез в долги в тайне от меня, взял микрокредиты, которые раздаёт вот такой же лохотворный мужчина, пахнущий элитным парфюмом, носящий часы, за которые не жалко руку отрубить, и гоняющий на майбахе.

Виталик тоже хотел костюм от Армани и трусы от Баленсиага, а в итоге напился "Старым Кенингсбергом" за семьсот рублей, уснул с сигаретой и полностью спалил нашу двушку, сам чудом выжив. Сейчас отлёживается у своей мамы, глаза б мои его не видели. А я живу у подруги и отбиваюсь от коллекторов. Начальник которых наверно тоже похож на Керефова. Тигран Рустамович не виноват конечно, что мой мужидиот, но всё же... Во мне столько злости сейчас, что одного Виталика для неё слишком мало.

– С того, что у вас долг почти миллион перед организацией, раздающей микрозаймы,– выдает Керефов грубо, возвращая меня в мою жуткую реальность,– Для аналитика до безобразия нелогично, не находите, Анна?

Ледяной черный взгляд обдаёт пренебрежением. Керефов поджимает губы в линию, смотря, как я пропитываюсь жгучим стыдом. Это и правда стыдно, даже в ушах закладывает. Так вот в чём дело. Вот почему он меня вызвал.

– И дошло до того, что коллекторы звонят мне в приёмную. Вы ведь понимаете, что это недопустимо?

Мужчина чуть склоняет голову набок, пристально глядя на меня.

В горле собирается ком. И я только киваю.

– И что я не могу позволить вам дальше работать у меня экономистом?

Я опять лишь киваю.

Боюсь, что если открою рот, то просто разревусь. Глаза и так нестерпимо жжёт. Из последних сил держу взгляд Керефова, вытянувшись как струна. Сейчас он скажет "вы уволены", я кивну в третий раз и пойду оплакивать свою жизнь в туалет.

Вот только он молчит.

3.

Неожиданно мужчина встаёт из-за стола, подходит к открытому окну и достаёт пачку сигарет.

Вытряхивает одну, подкуривает, глубоко втягивая заросшие черной щетиной щёки и следя за мной исподлобья. Опирается бедром о широкий подоконник, тянет левой рукой удавку галстука на шее, расстегивает верхнюю пуговицу. Все так же, не отводя взгляда от меня, медленно выпускает сизый дым.

Я наблюдаю за мужчиной как за замороженная. Не понимаю, почему Керефов меня до сих пор не выставил из кабинета. Боюсь моргнуть и пропустить знак уйти. Но Тигран Рустамович только молча курит, разглядывая меня. В его взгляде что-то меняется, отчего я теряюсь окончательно, не в силах разгадать, что именно. Время остановилось и тяжело повисло в сгущающемся вокруг меня воздухе. Вдыхаю глубоко, и легкие жжёт от смеси мужского парфюма и никотина. Неожиданно приятной, хотя запах сигарет я обычно не переношу.

– Это не мой микрозайм,– произношу глухо. Зачем? Я уверена, что Керефову плевать. Его просто звонок в приёмную разозлил, – Мужа.

– Мужа...– тянет мужчина, щурясь и выдыхая дым в открытое окно. А потом неожиданно спрашивает,– И зачем те-

бе такой муж? Всё равно не умная.

Я растерянно хлопаю глазами. Не знаю, что повергло меня в больший ступор: его бестактность или резкий переход на "ты". А вообще Керемов прав, на фиг такой муж, и я и правда слепая дура была.

– Он скоро станет бывшим, – сиплю в ответ и отворачиваюсь. Не могу выносить его пронизательный взгляд. Словно душу чайной ложкой ковыряет.

Слышу тихий смешок.

– Только долги останутся нынешними, да, Анна?

Я сглатываю и киваю, разглядывая стену. Да, совместно нажитые. С приданным развожусь.

Тигран Рустамович докуривает и возвращается в своё кресло. Лениво барабанит пальцами по столешнице, так и не отпуская меня. А я понять не могу, чего он тянет? Это какой-то психологический приём? Желание довести меня до инфаркта вместо увольнения?

Снова поворачиваюсь к нему и встречаюсь с чёрными насквозь прожигающими глазами.

– Ты – красивая женщина, – вдруг медленно говорит он. И смотрит прямо. Нагло.

Я замираю. Что? Сердце пропускает удар. Я вдруг резко осознаю, что он мужчина прежде всего. Только сейчас это понимаю. Осознание бьёт под дых, жаром обдаёт. В огромном кабинете становится слишком тесно, в одежде неудобно. Взгляд помимо воли скользит по мужскому лицу напротив,

отмечая ранее игнорируемые детали: черные бездонные глаза, брови вразлет, густые ресницы, родинку на левой щеке, в меру полные губы, волевою линию подбородка, скрытую густой ухоженной щетиной. Перемещается на бычью шею, ощупывает широкие плечи, обтянутые белоснежной рубашкой, впивается в виднеющийся из расстегнутого воротника треугольник смуглой кожи. Даже такой маленький оголенный участок тела кажется неприличным, запретным.

Я сглатываю, шумно вдыхаю, и легкие отравляет терпкий парфюм, смешанный с запахом самого мужчины. Низ живота томительно тяжелеет. Он просто комплимент сказал, соберись, Нюш. Это не то, что ты подумала. Делаю над собой усилие и опять встречаюсь с Керефовым взглядом. И уже не могу избавиться от мысли, что эта странная тягучесть в его черных глазах - похоть. Убеждаю себя, что мне кажется, и никак не могу убедить.

– Спасибо, – бормочу онемевшими губами после слишком долгой паузы.

– Ты уволена, – отвечает на это он.

4.

Я знала, что он это скажет, но всё равно испытываю шок. В горле вновь образуется ком, разбухающий с каждой секундой. Я просто не знаю, как жить дальше, как справиться со всем этим. Развод, сгоревшая квартира, безработица, долги, коллекторы. Я несусь в бетонную стену с горы, а тормоза отказали.

– Идите в кадры, пишите по собственному. Две недели отработаете и свободны, – добавляет Керефов, шурясь и снова переходя на "вы". Словно черту подводит. Или меня вычеркивает.

– Спасибо, – почему-то опять говорю я. Благодарить мне его не за что, но и проклинать тоже.

Я бы наверно тоже так поступила. Наверно. Всё-таки я не горничная, а финансовый аналитик. И у меня очень постыдные проблемы для аналитика. Чуть не сказав "спасибо" в третий раз, медленно поднимаюсь со стула и на нетвердых ногах покидаю кабинет. Тело ватное, меня охватывает апатия.

– Я недавно купил отель на Тенерифе, – неожиданно летит мне в спину.

Искренне не понимаю, зачем Керефов мне это говорит сейчас, но вежливо оборачиваюсь.

– Поздравляю, – сухо произношу, выдавливая из себя веж-

ливую улыбку.

– Завтра вылетаю для встречи с командой архитекторов. Предварительный проект по переделке уже одобрен, но нужно проконтролировать всё на месте, – продолжает Тигран Рустамович как ни в чём не бывало.

Неожиданно его взгляд становится острым, режет как бритва.

– Планирую две недели там пробыть, – вкрадчиво добавляет он.

Я растерянно жду, что дальше. Это он к чему? Что, не желает видеть, как я дорабатываю? Так мы вроде бы и так не особо пересекаемся.

– Приятной поездки, – добавляю глухо, переминаясь на каблуках. Он меня отпустит когда-нибудь? Сил уже нет стоять и не плакать.

Тигран Рустамович криво улыбается. Его расслабленная поза, ленивый взгляд. Такой контраст по сравнению со мной: напряженной и подавленной.

– Ну насколько она будет приятной, зависит от вас. Я предлагаю вам поехать со мной, Анна, – его голос становится глубже на пару тонов, обретая едва заметную вибрацию, щекочущую мои натянутые нервы.

Я тупо смотрю на Керефова. Мозг уже отказывается что-либо понимать. Зачем?

– В качестве кого? – уточняю, – Вам нужен экономист?

– Мне нужна женщина, – черные глаза впиваются в моё

лицо, впитывая мой шок.

– Женщина неглупая, красивая, не боящаяся близости с мужчиной. Женщина, с которой можно прийти на деловой ужин, и у неё на лбу не будет светиться надпись "валютная шлюха" . А ещё женщина, ничего не ждущая от меня. И ни на что не рассчитывающая.

Керефов щурится, скользя наглым взглядом по моей блузке, отчего грудь сдавливает и становится трудно дышать. Поднимает черные глаза к моему пылающему лицу и продолжает низким голосом.

– А вам нужны деньги. Деньги я вам дам.

Тут до меня окончательно доходит. Кабинет начинает плыть перед глазами. Горло сковывает спазм, сердце гонит кровь под таким давлением, что венка на шее грозит разорваться. Почему-то в голове эхом долбит только одно его слово.

Близости. Близости. Близости.

Керефов сказал "не боится близости". Значит, на эту близость рассчитывает, так? За деньги...

Тигран Рустамович откидывается в своём кресле, четко очерченные губы трогает чувственная полуулыбка.

– Две недели, Анна, – тягучий взгляд обволакивает фигуру и застывает на шее, словно удавку накидывает.

– Четырнадцать дней на берегу океана, и мы расстанемся с вами. А на зарплатной карточке в новую жизнь вы унесёте двадцать окладов. Как вам такая отработка при увольнении?

Я сглатываю собравшуюся слюну и часто моргаю, стараюсь не отводить глаз. Тело лихорадит от напряжения. Двадцать окладов? Двадцать? Да ведь это больше миллиона, будь оно неладно. Хватит и кредит идиота-мужа закрыть, и на какой-никакой ремонт в погоревшей квартире. Больше миллиона...

Но он ведь недопустимое предлагает. За гранью. Я не продаюсь!

– Ну или можете просто забыть об этом разговоре, отработать две недели, перебирая свои бумажки, и как-то по-другому решить навалившиеся проблемы. Я не собираюсь вас принуждать.

Улыбка становится и вовсе плотоядной, масляный взгляд словно блузку на груди рвёт, обволакивает бёдра. Он уверен, что соглашусь. Уверен. Ни секунды не сомневается.

– Анна?– Керефов вопросительно вскидывает бровь, потому что я до сих пор молчу. Незаметно впиваюсь ногтями себе в ладонь, пытаюсь вернуться в реальность. Это кошмар. Сон. Бетонная стена. На скорости. Вот она. Прямо сейчас передо мной. Яркая вспышка фар. Она выглядит как красивый мужчина в дорогом костюме с циничным пресыщенным взглядом. Мой немой вскрик. Не увернуться. Я уже почти чувствую, как трещат кости. Вдыхаю, и тело пропитывается запахом Керефова.

– Анна, я жду,– он перестаёт улыбаться. Взгляд вновь становится тяжёлым. Боится, что откажусь?

– Хорошо, – выдыхаю. И улавливаю мелькнувший победный блеск в его глазах.

Бам. Простреливающая боль и темнота. Я не свернула. Я не настолько гордая. Пусть это аморально, непозволительно и меня осудят. Но я уже не знаю, что хуже: провести две недели с женщиной без любви и решить свои проблемы, или два года с женщиной по любви и нажить их. Наверно, моя внутренняя борьба читается на лице, так пристально смотрит на меня Тигран Рустамович. Или теперь просто Тигран? От собственной смелости, пусть и лишь в мыслях, даже ладони потеют. Просто Тигран. Нет, не могу даже в мыслях. Пока.

– Хорошо, тогда на сегодня вы свободны, Анна, – деловым тоном произносит Кереев. Вот и для него я "вы". Ненужная вежливая дистанция. Призрачная безопасность.

– Можете идти. Залим чуть позже свяжется с вами. Объяснит порядок действий.

И мужчина холодно кивает мне на дверь, а затем и вовсе устремляет взгляд в монитор перед собой.

Я мнусь пару секунд, медля. И всё? Может мне вообще привиделся этот разговор, или я что-то не так поняла. Чувствую себя героиней бразильского сериала.

– До свидания, – хриплю наконец, делая нетвердый шаг в сторону выхода.

– До свидания, Анна. До завтра.

Нет. Не привиделось.

5.

Утром за мной заезжает водитель, чтобы отвезти в аэропорт. Смотрю на свой небольшой чемодан. Оказалось, я совсем не готова к отпуску. Летних вещей у меня практически не было: два купальника, приобретённых на распродаже в позапрошлом году, парочка лёгких сарафанов, слишком простых, из массмаркета, не новые шлёпки. Думала сегодня пробежаться по магазинам и хоть чуть-чуть обновить гардероб. Но Залим сказал, что машина заедет за мной в десять утра. Что билет на самолёт уже куплен – у него была копия моего паспорта. А больше мне ни о чём волноваться не надо. На моё растерянное замечание по поводу отсутствия нормального гардероба, помощник Керефова отрезал, что я могу купить одежду и на острове. А сейчас от меня требуется просто быть готовой к десяти.

Быть готовой... Хотелось уточнить "к чему именно», а ещё выдать что-то типа "и как вообще к такому можно подготовиться", но я конечно не стала. Сказала, что всё поняла, и повесила трубку.

Вечером сидели с Олей на кухне допоздна, распивая бутылку белого вина. Подруга была возбуждена и тараторила без умолку, нашла фотки Керефова в интернете. Тянула "вот это мужииик" и закатывала глаза. Считала, что мне повезло.

Не понимала, что я такая кислая сию, вот она бы на моём месте...

Только это не правда всё. Будь она на моём месте, тоже бы внутри дрожало всё, скручивало в тугой узел, и не знала бы куда себя деть. Я же знаю.

Позвонила Виталику под Олино хихиканье и сказала, что улетаю на две недели, чтобы не искал. Тот сразу взвился, и я чётко расслышала звук противно скрипнувшего дивана. Валялся, как обычно. Оплакивал гениальность свою. Ещё пиво наверно рядом стоит на обшарпанном журнальном столике. И "Битва складов" идёт по Дискавери. Противно стало, до тошноты. Ненавижу. Как я раньше этого всего не замечала, мирилась... В голове промелькнула мысль, что у Керефова вряд ли есть хоть один продавленный диван.

– Мы банкроты! У нас квартира сгорела, алё! А ты на море собралась? Анька, ты в своём уме? – визжит Виталик в трубку так, что мне приходится её от уха отодвинуть.

Я слушаю пару секунд, кусая губы. Изнутри накатывает что-то. Тёплое, тёмное, мстительное. Опоясывает кольцом горло, обжигает кончики ушей, щиплет язык. Глаза упираются в холодильник напротив, цепляются за магнитик из Турции.

– Я с мужчиной еду, Виталь. Всё, пока. Мне собираться надо.

Успеваю нажать отбой до того, как оглохну от его возмущенного злобного вопля.

Перевожу взгляд на Олю. Подруга пару раз ошалело хлопает наращёнными ресницами, а потом расплывается в широченной улыбке.

– Паааах,– приставляет указательный палец к виску и выстреливает,– Огонь, Нюш. Наповал его.

Открываю рот, чтобы сказать, что не хотела вот так. Не знаю, что нашло на меня. Но решаю не врать, тем более самой себе. Хотела. Губы невольно расползаются в ответной улыбке.

– За новую жизнь,– хитро улыбается Оля и поднимает бокал.

– Ага..

Мы звонко чокаемся.

Да, что бы не произошло, жизнь меня точно ждёт новая. И этой жизни придётся сильно постараться, чтобы стать хуже предыдущей. Это практически невозможно.

6.

К припарковавшемуся во дворе мерседесу я подхожу на слабеющих с каждым шагом ногах. Я всё утро настраивалась на встречу с Керефовым. Придумывала, как буду держаться, что говорить, как себя вести. Но, смотря на тонированные стекла машины, за которыми вполне возможно скрывается ОН, понимаю, что ни черта не готова. Даже просто посмотреть в глаза. Мелькает идиотская мысль, что бы на это всё сказала мама? Преподаватель литературы, доцент кафедры. Щеки опалает стыд, красными пятнами расплзается по шее и груди. Встряхиваю головой, отгоняя запоздавшее горькое сожаление. Пути назад нет.

Водитель, мужчина средних лет с непроницаемым лицом, выходит из машины и открывает передо мной заднюю дверь. Не сдержавшись, шумно выдыхаю от облегчения. В салоне больше никого. У меня есть ещё примерно час, чтобы побыть с собой наедине и собраться. Автомобиль плавно выезжает из Олиного двора. Я втягиваю запах кожаной обивки, ненавязчивый аромат освежителя воздуха и прикрываю глаза, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

Я думала, уже встречусь с ним. Смятение теперь только усиливается. Затянувшееся ожидание всегда давалось мне нелегко. Такое же чувство было, когда на экзамене пропу-

стишь кого-то отвечать вперёд, а потом стоишь и губы кусаешь от досады, что был бы уже свободен, но приходится переминаться у закрытой двери.

Когда мы подъезжаем к аэропорту, я уже не в состоянии усидеть на одном месте. Пальцы покалывает, словно подушечки пронзают тысячи иголок. Сердце болезненно частит. Стоит выйти из машины, как глаза натываются на высокую худощавую фигуру Залима. Помощник Керефова охватывает меня быстрым взглядом. Мажет по белому свитшоту, скользит по светлым узким джинсам и задерживается на голубых ньюбэлансах на ногах. В этот момент я чётко осознаю, что в его глазах сквозит неодобрение. Ну да, я совсем не тяну на подружку миллионера, но вряд ли для Керефова это будет сюрприз. И все же мне неприятно. Нервно одергиваю кофту и засучиваю рукава в попытке хоть как-то скрыться от придирчивого взгляда Залима.

– Здравствуйте, Анна. Я провожу, – парень перестаёт меня разглядывать. Отворачивается и забирает мой чемодан у водителя. Он даже не ждёт ответной реакции на свои слова, просто быстро направляется к центральному входу в аэропорт.

А мне ничего не остаётся, как послушно потопать за ним. Мы минуем зал регистрации и направляемся ко входу для пассажиров Бизнес-класса. Я догоняю Залима лишь у стойки, когда он поворачивается ко мне и протягивает руку за паспортом. Копашусь под его нетерпеливым взглядом в су-

мочке, чувствуя себя полной душой почему-то.

Он так смотрит. Это не передать даже. На меня наверно никогда никто так не смотрел. Будто я...недалекая что ли? Или не имеющая право на уважение. А ведь он мальчишка совсем, и так свысока...Я сглатываю подступающий к горлу ком и всё своё внимание отдаю работнице аэропорта. Осуждает, ну и пусть. Какое мне дело до него. Плевать.

– Дальше сами, Анна. Тигран Рустамович уже в самолете. Приятно провести время,– Залим отдаёт мне билет, проверенные документы и вдруг легко улыбается. Одним уголком губ. Но мне всё равно чудится намёк и улыбку вернуть я не могу.

– Спасибо,– бормочу в ответ и прохожу вглубь аэропорта. В голове остаётся лишь одна фраза. Она кружится как белка в колесе, пока я иду к самолёту, поднимаюсь по трапу, протискиваюсь между кресел эконома в бизнес.

Тигран Рустамович уже в самолёте. Тигран Рустамович уже в самолёте.

Тигран...

– Здравствуй, Анна,– черные глаза впиваются в меня мёртвой хваткой, заставляя замереть, как кролик перед удавом.

Я так готовилась встретиться с Керефовым, и я совершенно не готова. По телу разливается липкая слабость. Как я смогу? О чём я думала???

– Садись.

* * *

Я мысленно считаю до трёх и занимаю соседнее кресло.
–Здравствуйте, Тигран Рустамович.

В данных обстоятельствах обращение по имени отчеству кажется мне слегка идиотским, но Керефов и не думает меня поправлять. Видимо, его оно полностью устраивает. На секунду представляю, что буду его так звать все две недели. Всегда. Даже вовремя...

Вспыхиваю от направления своих мыслей и натянуто улыбаюсь внимательно рассматривающему меня мужчине. Он никак не реагирует. Просто продолжает смотреть дальше. Так же, как ранее Залим, скользит взглядом по моей простой одежде, особое внимание уделив кроссовкам. Такое пристальное, что я борюсь с собой, чтобы не спрятать ноги под кресло. И что их всех так моя спортивная обувь беспокоит? Сказал бы заранее, что против. Что теперь – то пялиться. Но Керефов молчит.

А потом и вовсе отворачивается и окликает стюардессу. Девушка модельной внешности спешит к нему с таким видом, будто он как минимум замуж её позвал. Подведенные карие глаза, направленные на моего спутника, отчаянно сияют. Я кошусь на Тиграна Рустамовича, ловя его реакцию. Но её просто нет. Он будто не замечает этой готовности на всё в её взгляде. А может наоборот, слишком хорошо видит?

– Бокал вина для девушки и двойной эспрессо, – отрезает Керефов, даже голосом давая понять, что стюардесса зря так

щедро улыбается. Она заметно никнет и прожигает меня таким взглядом, будто я ей всю жизнь испортила.

– Я не хочу пить,– отворачиваюсь от поверженной соперницы и обращаюсь к Керефову.

Он на секунду морщится, словно над ухом прожужжала надоедливая муха.

– И наушники принесите,– продолжает мужчина, игнорируя мои слова,– Девушка хочет смотреть фильм...

– Да с чего вы взяли вообще? – фыркаю возмущенно, не выдерживая.

Керефов наконец переводит на меня тяжелый взгляд и вопросительно вскидывает одну бровь. Но я не сдаюсь.

– Тигран Рустамович, спасибо за заботу конечно,– я стараюсь говорить вежливо, но не опускать взгляд, хоть это и даётся мне с большим трудом. Очень уж пронзительно он на меня смотрит,– Но я в состоянии сама решить, что буду пить и чем заниматься.

Его левая бровь взмывает ещё выше, а губы кривятся в ироничной усмешке.

– И чем же вы собрались заниматься семь часов, Анна, пока я просматриваю строительные сметы, не поделитесь?

Я хмурюсь и всё-таки отвожу глаза. И, правда, чем? Я как-то об этом не думала. Но фильмы я уже точно смотреть не буду. Лучше с тоски повешусь...

– Наушники не надо,– распоряжается в это время Керефов, не дожидаясь моего ответа.

Стюардесса с готовностью кивает и удаляется за напитками, тоже мало интересуясь моим мнением. Я растерянно смотрю ей вслед. Вроде бы ничего такого не произошло, а у меня ощущение, что я проиграла целое сражение.

– Тигран Рустамович... – снова поворачиваюсь к сидящему рядом мужчине и замолкаю на секунду, пытаясь четче сформулировать свою мысль. Может он и не хотел меня обидеть, просто не понимает. Значит, я обязана объяснить. Только это чертовски трудно.

– Пожалуйста... Не решайте за меня.

Керемов смотрит в ответ странным взглядом, под которым я невольно ёжусь. Неожиданно вновь остро ощущаю, насколько разная на нас одежда. Сажу в простом свитшоте и джинсах рядом с мужчиной в безукоризненном костюме. Мы словно из разных миров. И его мир для меня недостижим. Тигран Рустамович немного подаётся ко мне, так что его парфюм забивает лёгкие, щекоча нервы, и тихо произносит:

– Анна, вам придётся безоговорочно соглашаться и с более спорными моими решениями и желаниями. Вы это понимаете?

От его вкрадчивого тона меня бросает в жар. Время словно замедляется, краски становятся болезненно яркими. Я перевожу рассеянный взгляд на его губы, которые сейчас так близко от моего лица.

– Да, – произношу хрипло, облизав пересохшие свои.

– Хорошо, – я вижу, как открывается и закрывается его

рот, когда он говорит. Вижу, как мелькает при разговоре белоснежная кромка ровных зубов. Почему-то это зрелище завораживает.

– Значит привыкайте не перечить мне. Никогда. Я говорю – вы выполняете.

Он вдруг перехватывает пальцами мой подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза.

– Ясно?

Я с трудом сглатываю и пытаюсь кивнуть, несмотря на то, что держит он крепко.

Удовлетворенный, Керефов резко отпускает, а перед самым носом появляется наполненный бокал. Я хватаю его с подноса и выпиваю почти залпом. Вкуса не чувствую. Меня мелко трясёт. Загорается табло "пристегнуть ремни". Чёрт, мы ещё даже не взлетели, а я уже мечтаю о том, чтобы эти две недели поскорей закончились.

7.

– Проходи,– Кереев мягко давит мне на поясницу, заставляя переступить порог нашего номера.

Мягко... Но я не могу избавиться от ощущения, будто к спине приложили раскалённую сковородку. Его постоянные случайные и нет касания извели меня за время перелёта и трансфера до состояния безмолвной истерики. Нет, в них не было пошлости или грубости. Зато было что-то собственническое, безусловное, словно каждый раз тавро выжигал "моё". Так касаются друг друга в паре: подавая руку, сжимают твою кисть; забирая стакан, дотрагиваются до пальцев; поправляют лямку сумки на плече, не спросив. И кладут ладонь на поясницу, направляя в общий номер... Тело непроизвольно напрягалось каждый раз, посылая в мозг панические сигналы, и приходилось заставлять себя не вздрагивать, не отстраняться, делать вид, что это естественно. Это очень выматывало. Нервы звенели, мечтая о передышке. Сейчас бы закрыться в спальне, задернуть шторы и просто полежать в тишине. Просто побыть одной. Хоть чуть-чуть.

Возможно, в иных обстоятельствах я бы таяла от нахождения рядом с этим бесспорно красивым сильным мужчиной. Со сладким замиранием сердца подмечала бы каждый взгляд, направленный на меня. Тайком вдыхала бы прият-

ный запах его парфюма, смешанный с терпким мускусным ароматом кожи. С томительным предвкушением, нервничая, ждала бы близости. Возможно... Если бы мы были настоящей парой, если бы он ухаживал за мной, и это был мой личный выбор. Но не сейчас.

Сейчас же мысль об общей кровати навевала лишь щемящую тоску. Но ведь не возражишь... В тысячный раз мелькнула мысль, во что же я ввязалась, ведь я совсем не из тех женщин, кто к интимным отношениям относится легко или может похвастаться какими-то особенными умениями. По правде говоря, у меня и партнеров-то всего два было. И я... Я мучительно покраснела, подумав, что оргазм с мужчиной у меня был от силы раз пять всего. Покосилась на Керефова, зашедшего за мной в номер. В просторной гостиной люкса сразу стало сложнее дышать от его подавляющей мужской энергетике. Я ведь совсем не страстная женщина. У него точно были погорячей и поопытней... Взгляд почему-то переместился на его смуглые руки. Крупные ладони, длинные пальцы, ухоженные ногти. Внутри что-то мягко сжалось, и я поспешно отвернулась, пока Керефов не заметил, что я его разглядываю.

Перевела рассеянный взгляд на окружающую обстановку. От сдержанной роскоши интерьера даже дыхание перехватило. Я не была бедной, ездила на курорты по два раза в год, выбирала приличные гостиницы, но подобный номер конечно позволить себе не могла.

– Нравится? – поинтересовался Тигран Рустамович, давая чаевые парню, принесшему наш багаж и закрывая за ним дверь.

Я слабо улыбнулась в ответ.

– Да.

– Хорошо, я специально этот отель выбрал. Мой будет реконструировать та же фирма, что делала этот. Интересно было... Так, что если заметишь недочеты какие-то или, наоборот, интересное решение – скажи...

Говоря это, он проходит мимо меня и, начиная обследовать номер, исчезает из моего поля зрения. Я лишь слышу, как Керефов открывает двери и комментирует увиденное.

– Вторая ванная, хорошо... Кабинет... Анна, иди сюда, ТВОЯ спальня...

Я вздрагиваю и на секунду жмурюсь, не в силах поверить в свою удачу. По телу мягкой волной прокатывается облегчение. Он сказал "твоя". Твоя! Мы не будем жить в одной комнате. У меня будет свой угол. Убежище, пусть даже призрачное. Всё равно. Спешу к Керефову, словно боюсь, что если сразу сейчас не появлюсь перед ним, то он передумает. Тигран Рустамович стоит у распахнутой двери, скрестив на груди руки и подпирая дверной косяк.

– Располагайся, сейчас принесу твой чемодан, – черные глаза уже привычно впиваются в меня пристальным взглядом.

– Спасибо, – говорю совершенно искренне, проходя мимо

него.

Но Керемов не даёт мне зайти в комнату. Ловит за локоть и резко притягивает к себе. Я застываю, боясь вздохнуть, кровь приливает к лицу. Локоть жжёт от его крепко вцепившихся пальцев.

– Не за что,– вкрадчиво произносит мужчина, прожигая меня тяжелым взглядом. Щурится, всматриваясь в моё взволнованное лицо,– Боялась, что одну спальню делить будем?

Я молчу. Не знаю, что ответить. Да и нужно ли. Он и так всё понял.

– Я люблю спать один,– Тигран медленно тянет меня на себя, пока мои ладони не упрутся ему в грудь. Руки тут же обжигает жаром, исходящим от его кожи сквозь тонкую ткань белоснежной рубашки. В правую ладонь отдаются бешеные удары его сердца.

В черных глазах, устремленных на меня, появляется что-то тягучее, жадное. Взгляд опускается к моим губам. Его рука отпускает мой локоть и ложится на спину, медленно ползет по позвоночнику вверх. Я замираю, не в силах вздохнуть. Чувствую, как ноги подкашиваются, а по телу разливается томительное ощущение беспомощности. Мир сужается до мужского горячего дыхания на моём лице и ладони, обхватывающей мой затылок. Давящей на него, чтобы расстояния между нами не осталось совсем.

– Почему вы мне это предложили? Зачем? – шепчу неужи-

данно для себя самой, еле разомкнув пересохшие губы. Кереефов так близко, что когда я говорю, то почти касаюсь его рта.

Он пару раз моргает, словно морок сбрасывает, и давление на мой затылок исчезает. Я невольно выдыхаю. Отпустил.

Тигран Рустамович откидывает голову назад и, шурясь, наблюдает, как я делаю шаг назад, отступая от него.

– Красивая ты, – произносит лениво, – Давно заметил. Да только замужем же. А на шкуру, которая от мужа гуляет, не была похожа. А тут...

И он, криво улыбнувшись, отталкивается от дверного косяка, выпрямляется.

– ...сама пришла.

Меня передёргивает от его слов. Может, я искажаю их смысл, надумываю. Но я услышала, что вот раньше шкурой не была, а теперь стала. Стыд и обида опаляют кожу изнутри, застилают глаза пеленой. Я стою посреди комнаты, сжимая и разжимая пальцы, пытаюсь собраться.

Кереефов в это время заносит мой чемодан в спальню и говорит деловым тоном, кинув взгляд на наручные часы.

– У меня сейчас встреча, а ты можешь пока пройтись по магазинам. Залим сказал, у тебя проблемы с гардеробом.

Стрельнув глазами на мои несчастные кроссовки, мужчина продолжает, кладя на прикроватную тумбу ключ карту от номера и банковскую карточку.

– Пин 1287. Платье вечернее купи. Сегодня мы приглашены на ужин...

Снова оценивающий взгляд, только теперь уже он скользит по всей моей фигуре, задерживается на долю секунды на уровне груди и перескакивает на лицо.

– Платье в пол, будь готова к восьми. Ясно?

Я лишь киваю. Моргаю, и его уже нет в моей комнате.

8.

Волны с мерным шумом разбиваются о прибрежные камни у самой террасы ресторана. Водяная пыль доносится до моего лица, покрывает едва ощутимой соленой влагой кожу. Всегда обожала этот звук, всегда наслаждалась этим мокрым воздухом, пропитанным солью, остающейся на кончике языка. Проблемы, усталость, страх, неуверенность будто смывает с меня с каждым новым ударом о камни толщи прибиваемой воды. Когда ты на берегу океана, то кажется, что тебе просто не может быть по-настоящему плохо. Все трудности и заботы такие мелкие, незначительные по сравнению с грандиозной мощью этого природного чуда. Я смотрю в бесконечную темно-бирюзовую даль, чуть жмурясь от ласкового послеобеденного солнца, и ощущаю так необходимое мне сейчас умиротворение.

Плевать на всё.

Я на берегу океана, мне впервые за несколько месяцев не надо беспокоиться о завтрашнем дне, и я здесь не одна, а с красивым сильным мужчиной, которому я нравлюсь. И пусть он чужой, незнакомый для меня. Но от знакомого и родного я так устала. Не хочу никого. Не хочу отношений, совместного быта, компромиссов, ответственности не за себя. Ничего не хочу. А с Керефовым у меня ничего и не будет. Разве

это не прекрасно? Как он там сказал? Мне нужна женщина, ни на что не претендующая, ничего не ждущая от меня... Что ж, значит, на эти две недели мы – идеальная пара.

– Su orden secorita, – молодой парнишка- официант улыбается во все свои белоснежные тридцать два, ставя передо мной блюдо с устрицами, воду с лимоном и бокал душистого местного белого вина, – Buen provecho.

– Gracias, – я возвращаю ему улыбку, чувствуя, как настроение поднимается на ещё одну счастливую ступеньку вверх.

Съедаю первую устрицу, делаю маленький глоток из бокала и блаженно прикрываю глаза. Кажется, в этом моменте всё идеально: раскатистый шум прибоя, влажная соль на моём лице, ласковое солнце, припекающее кожу, вкус вина на языке и обретенная тишина внутри.

* * *

Кидаю быстрый взгляд на экран смартфона. Без пятнадцати восемь. Сердце нервно отстукивает в груди быстро текущие секунды. Совсем скоро он придёт. Может прямо сейчас. Невольно напрягаю слух, реагируя на каждый шорох. Да, я успокоилась, приняла ситуацию и твёрдо решила попытаться получить от неё удовольствие, но всё же именно сейчас я волнуюсь. Просто перед встречей. Ведь перед встречами все волнуются? Придирчиво рассматриваю нанесенный макияж в зеркале в ванной, беру ватную палочку и аккуратно поправляю тени на правом веке. Ну вот. Кажется, идеально. Зря я

всё-таки не пошла в салон красоты. Не подумала об этом. Да и время так быстро пролетело. Ничего не успела, кроме как платье и туфли купить. И ещё белье... На этой мысли я заливаюсь легким румянцем и усилием воли переключаюсь. Вместо походов по магазинам я предпочла летнюю террасу ресторана с умопомрачительным видом на океан. Шум волн до сих пор стоит в ушах, убаюкивая тревогу.

Перехожу в спальню, чтобы покрутиться в зеркале в полный рост, сажусь на кровать, наклоняюсь и надеваю туфли.

– Красивое платье. Тебе идёт, – раздаётся хриплое у входа в спальню.

Я ждала его, но всё равно вздрагиваю. И как Керефов умудрился бесшумно войти? Взгляд находит носки ботинок, перемещается выше, скользит по черным идеально сидящим брюкам, пересчитывает пуговицы на белоснежной рубашке и застывает на смуглых пальцах, ловко застегивающих запонки. Его руки, похоже, мой личный фетиш, потому что я опять не могу отвести от них глаз. Сейчас, когда я разрешила себе быть с ним, я не боюсь, что мужчина заметит мой интерес. Не боюсь показать, что считаю его привлекательным. Хотя бы взглядом.

И Керефов замечает. Когда я встречаюсь с ним наконец глазами, он внимательно глядится в меня.

– Шопинг пошел на пользу? – левый уголок его губ кривится в ироничной улыбке.

– Я купила только это платье, – возражаю, не отводя

взгляд, – Предпочла посидеть в ресторане на берегу.

Встаю, оправляя шелковый подол, бирюзовой волной заструившийся по ногам. Вижу, как черные глаза Керефова прослеживают путь ткани, облепившей бедра. Медленно подхожу к Тиграну, чувствуя на себе его всё более тяжелый взгляд. Робею в какой-то момент, но заставляю себя сделать ещё один шаг навстречу. И ещё. Пока не оказываюсь на расстоянии вытянутой руки. Меня тут же окутывает его мужская давящая энергетика. Кажется, я даже ощущаю жар чужого тела. Легкие забивает аромат парфюма и естественный резковатый запах кожи.

В глаза смотреть становится почти нереально, слишком потрескивает напряжение, но я всё равно смотрю.

– Нужно было прийти в себя, – произношу севшим голосом.

– Пришла? – он протягивает руку и дотрагивается горячей ладонью до моего лица. Большой палец лениво едва ощутимо проходит по нижней губе.

Сердце в груди срывается в бешеный скач, ударяясь о ребра. Я прошу себя обмякнуть, не отстраняться, расслабиться. И это даётся мне на удивление легко. Колени подкашиваются. Кажется, убери он сейчас руку, и я безвольно потянусь за ней.

– Да, – приоткрываю рот и чувствую мимолетное прикосновение подушечки его пальца к языку.

Позвоночник простреливает электрическим разрядом,

внизу живота ощутимо теплеет. Какие-то секунды мне кажется, что мы уже никуда не поедem. Я почти готова к этому.

Но мужская ладонь резко исчезает с моего лица, оставляя лишь горящий отпечаток, и перемещается на талию. Захватывает поясницу. Мягкий уверенный толчок к выходу.

– Пойдём.

9.

– Куда мы едем? – спрашиваю Тиграна Рустамовича, зашелкивая ремень безопасности.

Мужчина искоса смотрит на меня, проводя ладонью по густой щетине, почти бороде, и плавно выезжает с парковки отеля. Мой взгляд снова притягивает его рука на руле. Перстень на мизинце, темные волоски ближе к запястью... Вдрагиваю от низкого голоса, слишком интимно звучащего в замкнутом пространстве салона, и перевожу глаза на мужской чеканный профиль.

– На день рождения человека, продавшего мне отель. Его зовут Пауло Гьярда, он местный. Едем к нему домой, – отвечает Керефов медленно.

Я заметила, что у него вообще особый темп речи. Тягучий и вкрадчивый. Такой, что даже когда он не говорит ничего важного, ты всё равно стараешься поймать каждое слово. Поймать и исполнить.

– День рождения? И вы за рулём? – вылетает из меня быстрее, чем я успеваю подумать. Краснею тут же как девчонка. Ну что я несу. Вряд ли праздники у людей круга Керефова проходят так же, как у друзей Виталика по даче. Сложно представить Тиграна Рустамовича, напившегося самогона и орущего из бани "В этот день с иголки я одет. Мне сегодня 30 лет". Но картинка неожиданно настолько яркая, что

я тихо фыркаю от запузырившегося внутри смеха.

– Что смеешься? – интересуется Тигран Рустамович, и глаза его неожиданно загораются искренним любопытством, полностью преображая обычно такое суровое лицо. Я даже засмотрелась на секунду.

Мнусь, смущаясь, но всё же говорю правду.

– Представила, как вы вусмерть пьяный в бане " Мне сегодня 30 лет" орёте.

И тут Керефов повергает меня в шок, потому что вдруг громко залиvisto смеётся. У него даже слёзы выступают в уголках глаз, которые он быстро смахивает.

– Не поверишь, Анна, но именно так в тридцать лет и было, – он поворачивается ко мне, отсмеявшись.

– Не поверю, – улыбаюсь в ответ я.

У Тиграна приятный смех: грудной, заразительный и такой естественный. И мне сразу становится как-то легче сидеть с ним рядом в одном салоне автомобиля. Кажется, не может быть плохим человек, который умеет так искренне смеяться. Но веселье быстро проходит, и в чёрных глазах, направленных на меня, мелькает совсем другое чувство.

– Но сегодня так конечно не будет, – произносит Керефов тихо.

Тяжелый взгляд опускается на мои губы, отчего они невольно размыкаются. Ползёт ниже, скользит по шее, ключицам, задерживается на груди, прикрытой голубым шёл-

ком. Волнение разливается по телу. Намёк слишком очевиден. Он не будет пить, не только потому, что это больше деловой ужин, но и потому, что вечер на этом не закончится. Я незаметно сглатываю, а мужчина резко отворачивается. Напряжение опять возвращается в салон. Я по крайней мере его очень явственно ощущаю. Не могу ехать молча. Тишина слишком звенит, словно немой крик стоит в ушах.

– Как вы меня представите?

Он щурится, мельком взглянув на меня. Очевидно, я опять что-то не то сказала, но он ведь знал, кого с собой брал. Нечего теперь коситься.

– По имени, – короткий смешок, и отворачивается.

– Я плохо говорю по-английски и вообще не знаю испанский, – даже у меня самой такое чувство, что я пытаюсь убедить Керефова, что зря он меня позвал.

– Тебе не обязательно, – роняет мужчина, – И мы ненадолго.

– Ненадолго? – эхом повторяю я.

Снова быстрый прожигающий взгляд и вкрадчивый хрипловатый голос.

– А тебе не терпится? Можем на обочину съехать...

Я шумно выдыхаю и смотрю прямо перед собой на дорогу. Я не могу сказать "да", потому что это дикость какая-то. И "нет" тоже не могу, потому что я не в том положении, чтобы строить из себя неприступную невинность и морочить ему голову отказами. Хоть и очень хочется. Он же не заставит?

Господи, хоть бы нет. Ладони потеют, сердце мелко частит. Но мы просто едем дальше. Пошутил похоже... Ему бы в Камеди...

– Вы ведь понимаете, что такие отношения... – произношу через некоторое время, покусывая губы, когда уже точно уверена, что быстрый секс на трассе мне сейчас не грозит, – ... непривычны для меня.

– Понимаю, – отзывается Керефов, сворачивая с шоссе, идущего вдоль побережья, в какую-то живописную деревушку на склоне вулкана, – Но это ничего не меняет. Мы приехали, Анна.

Машина останавливается на плато уже прилично забитой парковки около огромного подсвеченного гирляндами особняка. Я с любопытством оглядываю красивую современную виллу и мысленно готовлюсь сделать всё, чтобы задержаться в ней подольше.

Мы проходим сквозь первый этаж виллы, который полностью отдан под шикарную гостиную, и выходим на задний двор. Ну как двор... По мне так это вполне себе приличный парк, по непонятным причинам разбитый у кого-то за домом. Я невольно замедляю шаг, осматривая территорию, мерцающую и светлую из-за развешенной по деревьям иллюминации, и тут же оказываюсь в мягком захвате.

– Пойдём, поздравим, – говорит Керефов, склонившись к самому уху.

И, отстраняясь, задевает щетиной мой висок. Обжигающая ладонь на пояснице уже привычно давит в нужном ему направлении. Мне начинает казаться, что он специально так часто ненавязчиво дотрагивается до меня. Словно пугливую лошадь приручает к себе. Вот и сейчас я уже спокойно иду рядом, то и дело касаясь его рубашки голым плечом и не пытаюсь отодвинуться. Наоборот, ощущение тёплой ладони над копчиком даёт странное чувство защищенности от внешнего мира. Именно внешнего. А мы будто в ином. Вдвоём. Внутри.

– *Mi querido amigo*, – совершенно седой мужчина, удивительно статный и подтянутый для своего преклонного возраста, завидев Керефова, распахивает объятия, и, бросив круг из трёх собеседников, направляется к нам.

– Это Пауло, – склоняется к моему уху Тигран, щекоча кожу влажным дыханием. Я моргаю, сбрасывая ощущение расплзающихся по лицу и шее мурашек.

Керефов тепло обнимается с именинником, они обмениваются вежливыми фразами на странной смеси испанского и английского. Тигран и правда представляет меня просто: Анна. Я смущенно улыбаюсь, видя загорающийся оценивающий взгляд именинника, скользкий по моему лицу и фигуре. Выслушиваю "you are charming, Anna", а затем Пауло указывает нам на "русский" стол рядом со сценой.

Музыканты исполняют популярные песни в джазовой обработке. Помимо обычных столов по периметру расставле-

ны фуршетные. В дальнем углу у бассейна организована лаунж зона с кальян баром и креслами- пуфами. Народу очень много. Шумно: музыка, разговоры на всех языках, смех. Я будто попала в закрытый клуб. И далеко не все гости одеты так же официально как мы. У бассейна даже замечаю пару девушек в купальниках.

– Я здесь по работе, – говорит Керевов, проследив за моим взглядом.

– Ясно, – перевожу глаза на него, – Но почему вы сказали купить платье именно в пол?

Он улыбается одним уголком губ.

– У тебя длинные ноги. Решил, тебе пойдёт.

Я отворачиваюсь, делая вид, что продолжаю осматриваться. Не знаю, как реагировать на комплимент, я слишком давно их не получала.

– Пойдём, посажу пока тебя за стол, – снова мягкое давление на поясницу, – Переговорю с парой людей, и можем ехать.

От его слов по телу прокатывается нервная дрожь. Кровь приливает к вискам. Я знаю, что это неизбежно, но хочется отсрочить. Оттянуть хоть чуть-чуть.

– Может останемся подольше? – я улыбаюсь с мольбой, надеюсь, что Керевов не поймёт истинную причину. Нахожу в себе смелость и дотрагиваюсь до рукава, смыкаю пальцы, чувствуя напрягающиеся мышцы его руки.

– Я никогда не была на подобных мероприятиях. Мне ин-

тересно...

Взгляд мужчины прожигает мои подрагивающие пальцы, вцепившегося в него, потом медленно поднимается к лицу. Внутри сжимается всё. Он понял. Точно понял. И ему не нравится.

– Хорошо, Анна. Останемся, – почему-то звучит как угроза, и мне не становится легче, – Пойдём за стол.

10.

Стол оказывается и правда "русским". Трое мужчин со своими спутницами приветливо улыбаются Тиграну, завидев нас.

Керефов коротко представляет их, потом меня. Кто они, чем занимаются, остаётся за кадром. Просто имена: Владимир Львович, Константин, Егор Алексеевич. Но и так понятно, что все трое – люди с высоким достатком. А спутницы... Мне становится неловко. Ни одна из них не похожа на жену. Да Тигран даже представить их не потрудился, как и их кавалеры. Я вдруг отчетливо понимаю, что я такая же. Разве что губы и грудь у меня свои. Мужчины за столом, не стесняясь, оглядывают меня, будто прицениваются. Но быстро теряют интерес, ловя холодный взгляд Керефова. Ну да, сегодня он меня танцует. Становится противно, но я проглатываю это мерзкое чувство, и, дружелюбно улыбаясь, сажусь.

Тигран занимает место рядом, по-хозяйски кладёт руку на спинку моего стула, иногда рассеянно проводя пальцем по моей лопатке, и начинает о чём-то тихо говорить с сидящим рядом Константином. Вижу, как на руку Керефова за моей спиной косится блондинка напротив. Прямо сверлит её недобрым взглядом. Потом переводит ледяные глаза на меня. Её пухлые губы едва заметно презрительно кривятся. Я

отворачиваюсь, немного теряясь, и принимаюсь за еду. Это непросто, так как от тяжелого взгляда блондинки даже глотать больно. И что она так уставилась? Любовница что ли его бывшая? Ревнует? Кошусь с любопытством на Тиграна, но тот увлечен беседой и по сторонам не смотрит. Лишь пальцы то и дело пробегаются по моей спине.

– Я отойду, – подается ко мне мужчина, задевая носом висок. Киваю, поднимая прямой взгляд на блондинку напротив. А она за ним следит. И в глазах такое щемящее что-то. Такое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.